

ГОЛОД НАЧАЛА 1920-х ГОДОВ И ПОМОЩЬ ГОЛОДАЮЩИМ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

© 2015 Ю.Ю. Аншакова

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Поступила в редакцию 07.04.2015

В публикации рассматриваются причины и масштаб голода, постигшего Самарскую губернию в начале 1920-х годов, а также характеризуются основные направления и формы помощи, которую губернии оказывало советское государство.

Ключевые слова: Самарская губерния, голод начала 1920-х годов, засуха, продразверстка, международная гуманитарная помощь.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России».

Голод начала 1920-х гг. занимает особое место как в истории нашей страны, так и в истории Самарского края. По ряду причин объективного и субъективного характера за ним закрепилось название «голод в Поволжье» и хронологические рамки 1921-1922 гг., что справедливо оспорено современными историками. В действительности это был голод общегосударственного масштаба, он охватил территорию примерно 30 губерний, республик и областей с населением более 42 млн. человек, жертвами голода и вызванных им эпидемий стали около 5 миллионов¹. На зиму 1921-22 гг. и весну 1922 г. пришелся пик голода, вместе с тем источники показывают, что голод начался еще осенью-зимой 1920-21 гг. и закончился не ранее урожая 1923 г., а в отдельных местностях длился до 1925 г.² Одним из эпицентров голода была Самарская губерния.

Причиной голода стал комплекс природно-географических, политических, социальных и экономических факторов. Основной акцент как в официальной риторике 1921 г., так и в советской историографии делался на «небывалой», «неслыханной» засухе 1921 г., что позволяло уклониться от объективного анализа роли социально-экономической политики большевиков по отношению к деревне в возникновении голода. С другой стороны, в современных исследованиях встречаются утверждения, что весна 1921 г. отличалась лишь более ранним приходом тепла и несколько меньшим, чем обычно, количеством осадков, и делается вывод о том, что масштабы засухи 1921 г. сильно преувеличены³. Данные по Самарской губернии подтверждают факт засухи, что иллюстрируют многолетние погодные наблюдения Безенчукской опытной станции. Так, в частности, средняя температура апреля 1921 г. составила 9,18°, тогда как средняя температура за предшествующие 17 лет – всего 5,1°. После-

Аншакова Юлия Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. E-mail pfiri@ssc.smr.ru

дующие месяцы также оказались значительно жарче обычного: средняя температура мая 1921 г. составила 19,6° (против средней температуры за 17 предшествующих лет в 13,0°), июня – 24,9° (против 19,5°). Ещё более разительна разница в количестве осадков и влажности воздуха, представленная ниже в виде таблицы.

Таким образом, всего за апрель-июнь выпало около 7% нормального количества осадков. За все годы наблюдения температура воздуха в 1921 г. была наивысшей, максимум составил 38,5°, максимальная температура на поверхности почвы – 58,1°. В Бузулукском уезде, одном из наиболее пострадавших, из-за засухи погибло около 40% озимых и яровых посевов. Можно заключить, что продолжительная засуха с «упорными южными ветрами» определила судьбу урожая в губернии ещё в мае⁴. 1 июня самарская газета «Коммуна» предупреждала, что губернию ждет второй неурожайный год, «таким образом, Самарская губерния из производящей может перейти в потребляющую. Положение становится серьезным, местами переходящее в угрожающее существованию населения»⁵.

Огромное влияние на экономическое положение Самарской губернии оказали социальные, демографические и экономические последствия I Мировой и гражданской войн. Среднее Поволжье – это регион, который в 1918-1920 гг. являлся одним из основных продовольственных доноров республики, к тому же его территория регулярно становилась либо ареной боевых действий, либо прифронтовой полосой. Военные действия, конфискации скота, фуража, изъятие продовольствия разными силами и по разным причинам, необходимость выполнять гужевую повинность вместо работы в поле, нехватка рабочих рук, связанная с постоянными военными мобилизациями, сильно затрудняли ведение сельскохозяйственных работ. Обостряли ситуацию и другие факторы, например, острая нехватка орудий труда, вызванная промышленным кризисом. Сельскохозяйствен-

Таблица. Данные об осадках в Самарской губернии на лето 1921 г.

	апрель	май	июнь
осадки (в миллиметрах)			
средние за 17 лет	21,6	38,8	46,9
средние за 1921 г.	1,7	0,3	5,1
влажность воздуха			
средняя за 17 лет	68%	58%	61%
средняя за 1921 г.	62%	32%	35%
испарение воды (в миллиметрах)			
среднее за 17 лет	55	128,2	136,8
среднее за 1921 г.	88,4	213,2	281,1

ная техника, инвентарь изнашивались, ломались, в то время как их ремонт или пополнение были практически невозможны. В результате всего этого урожай непрерывно понижался. К примеру, в Пугачевском уезде валовой сбор всех видов хлеба в 1918 г. составлял почти 20 млн. пудов. В 1919 г. площадь посева составила 73% к предшествующему году, а урожай – 62%. В 1920 г. сбор хлебов дал лишь 7,7% к 1918 г., тогда как площадь посева равнялась 56%. В 1921 г. засеяли 38% от посева 1918 г., валовой же сбор хлебов составил 390 тысяч пудов, т.е. всего 2% сбора 1918 г. – в пятьдесят раз меньше, при сокращении посевной площади примерно в два с половиной раза⁶.

В целом для сельского хозяйства губернии этого периода характерны резкое сокращение посевных площадей (1913 г. – 4,022 млн. десятин, 1921 г. – 1,370 млн. десятин, по данным губстатбюро), валового сбора зерновых (1913 г. – 146,4 млн. пудов, 1921 г. – около 4 млн. пудов). Катастрофическим был упадок животноводства. Прежде всего, резко сократилась численность рабочего скота в крестьянских хозяйствах. К 1922 г. процент убыли лошадей по сравнению с 1913 г. составил в губернии примерно 73%. Столь же печальная картина наблюдалась в отношении крупного и мелкого рогатого скота, свиней, птицы и т.д.⁷ В том же Пугачевском уезде к маю 1921 г. количество рабочих лошадей составило 40%, верблюдов – 23%, волов – 35% от поголовья 1918 г.⁸

Однако ни чрезвычайная засуха, ни вызванный войнами экономический упадок, ни отсталая система землепользования не объясняют катастрофических масштабов голода, его беспрецедентного характера и по охвату территории, и по количеству голодавших. Безусловно, главной причиной голода начала 1920-х гг. можно считать аграрную, в первую очередь продовольственную политику советской власти. Известно, что при определении норм продразверстки брались в расчет средние цифры урожая, посевных площадей, численности населения, скота за предшествующий период. Их постоянное и значительное снижение, охарактеризованное выше, не учитывалось. Каждый год из средневолжской деревни

изымали все больше и больше, не оставляя практически ничего ни на нужды самих крестьян, ни на восстановление разрушенного хозяйства. «Товарищи забирают у нас все: скотину, весь хлеб. Приезжай как можно скорей домой» «что вы там воюете? Нас здесь грабят», «здесь живет много коммунистов, только все они бумажные, хорошего нет ни одного. За них дело тормозится, потому что такие коммунисты; не хотят даже добром и разговаривать со стариками, а только и угрожают арестом и расстрелом: вот из-за того мужики и боятся говорить, и если кто вздумает пожаловаться в партию, да его не уволят отсюда, то они тогда разорют совсем», «красные черти приедут и как стая комаров пьют кровь – пожирая все, сами же ничего не создают. Крестьянину не позволяют делать то, что по его соображениям необходимо» – подобными фразами пестрят письма родственникам-красноармейцам, отправленные в армию из населенных пунктов губернии в 1920 г. А вот таков взгляд с противоположной стороны: «Работаю по продовольствию... Работать приходится в жестоких условиях: без оружия ничего не взять»⁹.

К тому же, как уже отмечалось выше, неурожайным в губернии был уже 1920 г.: по оценкам губпродкома, урожай составил 31 млн. пудов, по оценкам губстатбюро, которые вызывают больше доверия, – около 20 млн., при этом губерния в этом же году выполнила продразверстку в 10 млн. пудов¹⁰. При численности населения в 2,806 млн. человек губерния к зиме 1920-1921 гг. имела продовольственный дефицит, а в отдельных местностях начался голод. Так, в информационной сводке Самарской губчека за вторую половину сентября 1920 г. сообщалось, что «положение крестьян губернии не улучшилось по отношению к продовольственной политике, на почве чего и политической невоспитанности продолжают возникать среди крестьян конфликты, в особенности в тех районах, как, например: Березовском, Любичском, Марьевском и ряде других Пугачевского у., где произошла большая засуха, что крестьяне не только не могут выполнить полагаемую разверстку, но даже наоборот, указанные районы сейчас уже пользуются получением

хлеба из общественных амбаров». Положение усугубилось весной 1921 г., во время посевной. В частности, сообщалось, что «крестьянство Мелекесского, Бугурусланского, Ставропольского и Пугачёвского уездов настроено враждебно [на] почве продовольствия, особенно семян, недостаток каковых ставит крестьянство [в] безвыходное положение, вместе [с] этим и посевкомы. [В] Бузулукском уезде имели частичные случаи крестьянских налетов [на] общественные амбары [с] целью разграбления хлеба». В то же самое время из Москвы продолжали поступать директивы, требовавшие принятия самых решительных мер по отгрузке семян в потребительские губернии, так как Самарскую, несмотря на данные с мест, продолжали считать производящей¹¹.

Неадекватные возможностям крестьянского хозяйства размеры продрозверстки, насильственные методы ее реализации вызывали дальнейшее сокращение посевных площадей – до уровня собственного текущего потребления. В итоге отсутствие у крестьян каких-либо значительных запасов, семенного фонда, фуража совпало с неурожаем 1920 г. и 1921 г., что привело к голоду невиданного ранее масштаба. Отсутствовали какие-либо значительные запасы продовольствия и у государства, кроме того, ситуацию осложнял развал транспортной системы, что не позволяло оперативно подвозить продовольствие и семена в голодающие регионы: например, осенью 1921 г. поезд с продовольствием из Москвы в Самару шёл от 3 недель до 2 месяцев – а ведь это были приоритетные, экстренные грузы. Настоящим испытанием стал подвоз продгрузов на места, внутри губернии – бездорожье, снежные заносы, нехватка тяглого скота и рабочих рук превращали расстояния в несколько десятков километров в почти непреодолимую преграду.

Урожай зерновых 1921 г. в Самарской губернии составил примерно 3,150 млн. пудов, по уездам он варьировался от 0,7 до 3,4 пуда на человека, в среднем – 1 пуд 12 фунтов на человека. В каждом уезде имелись волости, в которых урожай составил всего 0,1-0,2 пуда на человека. В Мелекесском, Пугачевском и Балаковском уездах были местности, где урожай полностью отсутствовал¹². При этом нормой потребления считалось 1,5 пуда на человека в месяц, или 18 пудов в год, «голодной» нормой – 9 пудов на человека в год, а ведь еще требовался фураж и семена для будущих посевных. Кстати, для признания губернии или уезда голодающим официально, что давало право на получение помощи от государства, урожай не должен был превышать 6 пудов на человека, что, очевидно, позволило государству в условиях острой нехватки ресурсов искусственно сократить число голодающих регионов и оказывать помощь лишь тем, кто оказался в самом тяжелом положении.

В связи с жаркой погодой урожай был ранним и к осени был практически съеден. С сентября 1921 г. голод в Самарской губернии принял массовый характер. По официальным данным, уже в августе из 2806639 жителей губернии голодало 859 тысяч, и эта цифра стремительно росла: на 1 января 1922 г. голодало более 1,9 млн. человек¹³, основная часть населения питалась суррогатами. На первом месте среди них стояла лебеда, из ее молодых побегов и листьев варили щи, высушенная вместе с плодами, она размалывалась и подмешивалась в муку. Муку из лебеды, желудей и других суррогатов можно было купить на рынке. Из других растительных суррогатов можно отметить конский щавель, липовый и смородиновый лист, сердцевину и корни подсолнуха, сердцевину камыша, солому, мякину, репей и прочие сорные растения¹⁴. С приходом зимы, когда стало невозможно держать скот на подножном корму, массовому забою подвергся домашний скот, что серьезно осложнило дальнейшие сельскохозяйственные работы.

В конце осени - начале зимы, когда традиционные суррогаты стали подходить к концу, в пищу стали употребляться мука из опилок, древесной коры, глина, ил, вываренная кожа, навоз, солома, суслики, кошки, собаки, падаль и т.п. Наконец, многочисленными зимой стали случаи трупоедства и даже людоедства (к концу февраля 1922 г. – только зарегистрированных 200 случаев). К примеру, в январе 1922 г. из Пугачевского уезда сообщали: «с.Семеновка – три женщины: Семейкина, Киндюхина и Шувакина в течение декабря выкрали из амбара шесть трупов и съели их. При обыске оказались две опаленных человеческих головы и одна ляжка. В преступлении сознались и хвалят человеческое мясо. Одна из них бежала из-под ареста и попала в во время кражи детского трупа»; «с.Пестровка – двумя женщинами утащен труп гр-на Циркулева с кладбища. Изрублен на куски, голова опалена и сварена на холодное. Женщины сознались, что они до этого ели трупы детей, мясо которых одинаково с поросятиной»; «с.Ивановка – одна из гражданок вместе со своими детьми стали употреблять в пищу труп своего мужа. Когда стали отбирать у них труп, то вся семья уцепилась за половину уже съеденного трупа, не давая его, крича «Не отдадим, съедем сами, он наш собственный, этого у нас никто не имеет права отбирать». Труп с большими усилиями удалось отобрать и похоронить», и т.д.¹⁵

Голод неизбежно повлек за собой рост эпидемических заболеваний – холеры и тифа, вызвал высокий уровень заболеваемости цингой, оспой, малярией, что способствовало дальнейшему ухудшению ситуации и росту смертности. Пик голода в губернии пришелся на декабрь 1921 - июль 1922 г. Численность голодающих в марте 1922 г. достигала 91% от общей численности

населения – 2,430 млн. из 2,806 млн. человек, в отдельных местностях приближалась к 100%. Основную массу голодающих составили крестьяне. По приблизительным подсчетам губстатбюро в 1922 г. по сравнению с 1921 г. убыль населения составила от 7% в Бугурусланском уезде до 22,6% в Пугачевском уезде¹⁶. К середине лета 1922 г., по оценкам местных властей, убыль населения составила 337,1 тысячи человек. Данные цифры очень приблизительны, поскольку в сельской местности регистрация смертей велась не везде. Смертность населения губернии в 1921-1922 гг. возросла в среднем до 13,9 на 100 человек в год (1919-1920 гг. – 2,8)¹⁷. Сравнение итогов переписей 1920 и 1926 гг., к примеру, показывает сокращение общей численности населения губернии более чем на 15%, в Бузулукском и Пугачевском уездах – на 28% и 32% соответственно¹⁸. Еще раз подчеркнем, что традиционные хронологические рамки голода отражают лишь его наиболее острую фазу, случаи голода в отдельных населенных пунктах и волостях губернии фиксировались с осени 1920 г. до лета 1925 г., физиологическая норма питания (2925 ккал в день) была достигнута к концу 1924 г.¹⁹

Заметим, что самарские губернские власти зимой 1920-1921 гг. понимали, что надвигается массовый голод, что проблему дефицита продовольствия и семенного фонда необходимо безотлагательно решать, однако не имели для этого достаточных ресурсов, а также не находили поддержки в Москве. Так, в январе 1921 г. Самарский губисполком вынес постановление, согласно которому губпродкому предлагалось закончить продовольственные заготовки к 1 февраля, причем речь шла не о выполнении нормы, а именно о прекращении работ. Через 2 недели постановление было отменено Президиумом ВЦИК с рекомендацией Самгубисполкому не принимать постановлений, ведущих к невыполнению разверстки, данной Наркомпродом²⁰. Можно сказать, что центральные власти весной 1921 г. по традиции продолжали настаивать на полном выполнении плана по продналогу, который в условиях экономического кризиса и неурожая по сути ничем не отличался от продразверстки, рассчитывая, что грядущий урожай поможет в какой-то мере решить проблемы в регионах – и это несмотря на доклады местных властей и ЧК о повсеместных волнениях, сельских бунтах на почве голода, погромах ссыльных пунктов и т.д. Собственно, именно очевидный крах надежд на урожай 1921 г. и вынудил правительство приступить к действиям.

18 июля 1921 г. специальным декретом при ВЦИК была создана Всероссийская центральная комиссия помощи голодающим (ЦК Помгол) как организация с чрезвычайными полномочиями в области снабжения и распределения

продовольствия. В Самарской губернии первые органы по борьбе с голодом возникли еще в июне 1921 г., в июле трансформировавшиеся в губкомпомгол, возглавил который В.А. Антонов-Овсеенко. Органами помгол была разработана система чрезвычайных мер, направленных на ликвидацию голода: организация питания голодающего населения (прежде всего детского); медико-санитарная помощь; сбор продналога в губерниях центральной России и Сибири, не пострадавших от засухи; использование местных денежных средств для борьбы с голодом; изъятие церковных ценностей; организация общественных работ, предоставляющих заработок для голодающего населения; эвакуация голодающих; оказание помощи семенными ссудами в ходе посевных кампаний и т.д. Данные меры предполагали решение социальных и экономических проблем, связанных с голодом, в комплексе. Все они были необходимы, обоснованы и детально проработаны, но все оказались заведомо невыполнимы либо трудновыполнимы в связи с нехваткой на общегосударственном и местном уровне ресурсов самого разного рода – финансовых, продовольственных, кадровых, инфраструктурных и т.д.

Все утвержденные ЦК Помгол меры по борьбе с голодом с разной долей успеха реализовывались в Самарской губернии. На наш взгляд, наиболее результативной из них, хотя и с существенными оговорками, можно признать работу по проведению озимой кампании 1921 г. и яровой посевной кампании 1922 г. Заметим, что по непонятной причине эти посевкампании иногда игнорируются исследователями как форма борьбы с голодом, хотя ВЦИК и ЦК Помгол официально определили их проведение в качестве приоритетной задачи. В Самарскую губернию к озимому севу 1921 г. и весеннему севу 1922 г. поступило около 3,9 млн. пудов семян. Проведение посевных работ сопровождалось многочисленными трудностями и срывами: в частности, в связи с организационными и транспортными проблемами не все семенные грузы пришли вовремя²¹, разрывывались в процессе транспортировки, частично использовались голодающим населением в качестве продовольствия и фуража, что, правда, можно считать своеобразной внеплановой помощью голодающим. Основной проблемой, конечно, было крайнее физическое истощение крестьян и острый дефицит тяглого скота. Результатом стал существенный недосев. К примеру, осенью 1921 г., по данным губстатбюро, полученным от волысполкомов, размер площади, засеянной рожью, составил 78,7% от засеянных в 1920 г., при этом самое большое сокращение – на 47,1% – отмечалось в Пугачевском и Балаковском уездах, в Бугурусланском и Бузулукском площади сократились на 31,7%²². Урожай зерновых 1922 г. также оказался весьма скромным – около 23 млн. пудов²³, что не покрывало

вало собственных потребностей губернии, однако дало возможность самарскому крестьянству немного восстановить силы.

Остальные программы помощи голодающему населению в Самарской губернии оказались еще менее успешными или откровенно провальными, что признавали и сами власти. В качестве примера приведем программу эвакуации голодающих в благополучные регионы. Так, нуждающимся в продовольственной помощи в губернии на 1 декабря было признано более 1 млн. детей, при этом эвакуации по плану подлежало всего 35 тысяч, фактически же вывезли 18521 ребенка, то есть примерно половину от и так незначительного по сравнению с потребностью запланированного числа²⁴. Дети подолгу, неделями, томились в необорудованных поездах, на местах прибытия отмечалось, что дети больны, голодны и раздеты. Более того, частыми бывали случаи, когда уже приехавших детей отказывались принимать либо принимали, но оставляли практически без помощи, из-за чего дети были вынуждены нищенствовать²⁵. Аналогичной была ситуация и со взрослыми беженцами. Немаловажную роль в этом играла рассогласованность действий местных органов помгола, а также тот факт, что так называемые «благополучные» регионы зачастую сами находились на грани голода и не обладали достаточными для оказания помощи беженцам ресурсами.

В городе Самара, а также уездах губернии проводились общественные работы – гидротехнические (по постройке и починке плотин, мостов и т.п.), лесозаготовительные, дорожные, снегоочистительные, по уборке улиц от мусора и нечистот и др. В Пугачевском уезде одним из приоритетных видов общественных работ стала уборка улиц от трупов: к 1 января 1922 г. умерло около 88000 человек, из них не менее половины оставались неделями и даже месяцами неубранными. Уборка трупов, помимо прочего, способствовала снижению трупоедства²⁶. Оплачивались общественные работы, как правило, продпайками. Общественные работы могли бы облегчить положение голодающих крестьян, безработных, беженцев, способствовать восстановлению губернии, однако выделенные средства были крайне недостаточны, отсутствие денег и продовольствия не позволило реализовать и эту программу в надлежащем объеме²⁷.

Постоянными были жалобы уездных властей в Самару, а Самарского губкомпомгола – в Москву на отсутствие средств и перебои с поставкой продуктов в столовые общепитания. Так, в донесении Пугачевского уезда в Самарский губисполком отмечалось, что продовольственные грузы в пути по уезду «приходится охранять от расхищения голодным населением усиленным конвоем... Население это отдавало последние крохи, когда

голод держал в своих костлявых лапах центральные губернии, вполне сознавая, что само будет голодать. Теперь это население вправе ожидать, даже требовать, помощи хотя бы в той голодной норме, какая была установлена в Центре... Нужна немедленная реальная помощь в виде небольшого куска хлеба»²⁸.

Фактически ни одна из определенных государством форм помощи голодающим не была реализована в Самарской губернии в полном объеме. Многочисленные постановления, приказы и инструкции наталкивались на непреодолимое препятствие – полный развал экономики. В этих условиях сложилась следующая стратегия: было определено основное направление борьбы с голодом – проведение посевных кампаний, и государство сконцентрировало на нем все свои усилия, по мере возможности выделяя ресурсы и на другие программы. Вместе с тем, особо не надеясь на удачу, летом 1921 г. советское правительство предприняло шаг, который привел к неожиданно значительным результатам – обратилось за помощью к иностранным благотворительным организациям и общественности. Предполагалось, что они, возможно, окажут продовольственную помощь нескольким десяткам или сотням тысяч человек, однако получили эту помощь миллионы. Зарубежная продовольственная помощь Самарской губернии не является предметом рассмотрения данной статьи, тем не менее приведем для ознакомления некоторые цифры. Самая крупная из иностранных благотворительных организаций, Американская администрация помощи (АРА), в начале октября 1921 г. кормила в губернии 16500 человек, в начале января 1922 г. – 252310, в конце апреля – 909019, в конце июля – 1247756, в конце августа – 1185966 человек²⁹. Тогда же, в июле-августе, остальные зарубежные организации (миссия квакеров, Шведский Красный Крест и другие) оказывали помощь приблизительно 390 тысячам человек. Таким образом, иностранную помощь получало на пике деятельности этих организаций более 1,5 млн. человек. Около 0,41 млн получали питание в столовых губсоюза. На тот момент число жителей губернии составляло 2,4 млн. человек, все население губернии (100%) считалось голодающим.

В заключение подчеркнем, что колоссальная нехватка средств у советского государства была в значительной мере скомпенсирована ресурсами иностранных организаций, которые взяли на себя оказание продовольственной и медицинской помощи, оказывали поддержку детским домам и приютам, организовывали общественные работы за продпайки, предоставляли производственную помощь. Совместная деятельность как советской власти, так и иностранных благотворительных миссий в Самарской губернии стала одним из главных факторов ликвидации голода, позволяла

с разных сторон, комплексно бороться и с голодом, и с его последствиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Государственный архив РФ (далее – ГАРФ). Ф. Р-1058. Оп.1. Д.238. Л.48об.; *Максудов С.* Потери населения СССР. Benson, Vermont, 1989. См. также: *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л.* Население Советского Союза: 1922-1991. М., 1993. С.10-14.
- ² См. об этом: *Поляков В.А.* Голод в Поволжье, 1919-1925 гг.: происхождение, особенности, последствия. Волгоград, 2007. Гл.2; *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге. Ч.1. Автономная область 1918-1924. Саратов, 1992. С.114; *Wehner M., Petrova J.* Голод 1921-1922 гг. в Самарской губернии и реакция советского правительства // *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, Etats independants.* Vol.38. 1997. P.223-241.
- ³ *Поляков В.А.* Голод в Поволжье, 1919-1925 гг. С.299.
- ⁴ На фронте голода. Издание Самарской губернской комиссии помощи голодающим. Самара, 1922. С.40-41, 66.
- ⁵ Коммуна. 1921. 1 июня.
- ⁶ *Стрельцов И.Т.* В центре голода 1921-1922 г. (Пугачевский уезд). Москва-Самара, 1931. С.10-11.
- ⁷ Книга о голоде. Экономический, бытовой, литературно-художественный сборник. Самара, 1922. С.18-19; *Котов Г.* Население, культура и народное хозяйство Самарской губернии при вхождении ее в Средне-Волжскую область // Бюллетень Статистического отдела Самгубисполкома. 1928. №9. С.6.
- ⁸ *Стрельцов И.Т.* В центре голода... С.10.
- ⁹ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф.1. Оп.1. Д.266. Л.12об., 35, 4, 33, 147.
- ¹⁰ На фронте голода... С.20.
- ¹¹ Крестьянское движение в Поволжье. 1919-1922 гг.: Документы и материалы. М., 2002. С.569-570, 702, 665-666.
- ¹² На фронте голода... С.20, 32, 80, 94, 95, 97, 99, 100, 101, 103.
- ¹³ Коммуна. 1921. 6 декабря; Известия Самарского губернского союза потребительских обществ. 1922. №1. С.27-28.
- ¹⁴ Книга о голоде... С.40-41.
- ¹⁵ Голод в Средневожском крае в 20-30-е годы XX века. Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX века. Т.1: Сб. документов. Самара, 2014. С.92-96.
- ¹⁶ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р-79. Оп.1. Д.167. Л.320.
- ¹⁷ *Лосицкий Л.* Состояние питания и хозяйства голодного района (по обследованию летом 1922 года) // Экономическое обозрение. 1923. Вып.1. С.76.
- ¹⁸ *Котов Г.* Население, культура и народное хозяйство... С.1.
- ¹⁹ *Берг Л.* Питание сельского населения // Бюллетень Статистического отдела Самарского губисполкома. 1928. №6. С.5.
- ²⁰ Декреты Советской власти... Т.12. С.210.
- ²¹ *Торников.* К итогам семенной кампании 1922 г. // Известия Самарского губернского экономического совещания. 1922. №1. С.22.
- ²² *Гатауллина-Апайчева И.А.* Среднее Поволжье в годы новой экономической политики: социально-экономические процессы и повседневность. Казань, 2007. С.153.
- ²³ После голода. 1923. №2. С.209.
- ²⁴ Ужасы голода в Самарской губернии. (Новогодний номер «Известий Самарского губсоюза»). Самара, 1922. С.26; Что говорят цифры о голоде? Памятка агитатора. Вып.2. М., 1922. С.14.
- ²⁵ Голод и дети на Украине. Харьков, 1922. С.15-19; Петроградская правда. 1921. 23 августа; Голод в Средневожском крае... С.128-130.
- ²⁶ *Стрельцов И.Т.* В центре голода... С.35.
- ²⁷ На фронте голода... С.36.
- ²⁸ Книга о голоде... С.133.
- ²⁹ ЦГАСО. Ф. Р-79. Оп.1. Д.167. Л.302об.-304; Д.2. Л.130, 264, 326.

THE FAMINE OF 1921-1923 AND RELIEF AID TO THE STARVING IN SAMARA REGION

© 2015 Yu.Yu. Anshakova

Volga Affiliate of Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Samara

The paper deals with origins and scope of the famine of 1921-1923 in Samara region and relief measures undertaken by central and local authorities.

Key words: Samara region, famine of 1921-1923, drought, grain requisition campaign, international relief aid.